

*D. B. DISKALKAR. Selections from Sanskrit Inscriptions (2nd cent. to 8th cent. A. D.). — Containing also Portions from Dr. G. Bühler's essay on «Indian Inscriptions a. Antiquity of Indian Artificial Poetry». — Text, complete Transl. into Engl., hist., Poetical Importances, Introd. a. Literary Notes. — New Delhi: Classical Publ., 1977*

Интерес индологов к изучению эпиграфического наследия Индии неизменно велик. Об этом свидетельствует как значительное количество статей и книг индийских и зарубежных исследователей, основанных на материале надписей, так и постоянно издаваемые в Индии публикации текстов самих надписей. Публикации эти осуществляются в двух видах, в целом различных по форме и содержанию. Это периодика<sup>1</sup>, где в основном появляются вновь открытые надписи, и отдельные тематические подборки, в заглавиях которых часто фигурирует слово «избранные». В них, как правило, сводятся надписи, опубликованные в различных изданиях прошлых лет, ставших отчасти библиографическими редкостями в самой Индии.

Общезвестно то значение, которое имеют эпиграфические источники для воссоздания прошлого такой страны, как Индия. Своеобразие развития ее культуры вплоть до конца раннего средневековья (XII в.) заключалось, в частности, в том, что практически единственной адекватной формой выражения исторического мировоззрения древних индийцев были именно надписи. Неудивительно, что они использовались в первую очередь как исторические источники. Не подлежит сомнению, однако, что в качестве органичного элемента культуры общества надписи могут быть не менее ценным источником по истории отдельных аспектов общественного сознания: языка, литературы, религии и пр. На это обстоятельство еще в прошлом веке обратил внимание один из выдающихся представителей классической немецкой школы индологии Г. Бюлер<sup>2</sup>.

В настоящее время у индийских исследователей, публикующих надписи, наблюдается стремление выявлять и описывать по возможности все направления их использования, из которых главным все же считается собственно историческое. Однако публикация единичных надписей нередко ограничивается описанием внешней формы надписи и анализом ее значения для реконструкции политической истории.

В этой связи в значительной степени оригинальным по своему замыслу представляется сборник «Избранные санскритские надписи», подготовленный и изданный А. Б. Дискалкар. Как явствует из введения к сборнику, Дискалкар задался целью выявить роль эпиграфических источников как для иллюстрации, так и для уточнения истории развития индийской литературной традиции, а именно, классической санскритской поэзии (кавы). Действительно, значительное количество санскритских надписей записано отчасти стихами, многие из которых считаются превосходными поэтическими миниатюрами. С другой стороны, в силу уже отмечавшейся специфики развития индийской культуры в древности и раннем средневековье хронологические рамки деятельности живших в то время ученых, писателей, поэтов, религиозных реформаторов и пр. устанавливаются с большой степенью приблизительности. В то же время некоторые надписи содержат не только упоминания имен тех или иных поэтов и философов, но и упоминания их произведений в виде полных или частичных, буквальных или сюжетных заимствований из них. Будучи материалом, достаточно жестко фиксированным в хронологическом отношении, надписи таким образом позволяют уточнить хронологию индийской культуры (в первую очередь литературы) древности и средневековья.

В составленную Дискалкар подборку вошли расположенные в хронологическом порядке 15 санскритских надписей II — VIII вв., 14 из которых территориально относились практически ко всем основным частям Северной Индии (но более всего — к западным и центральным ее районам), а одна была обнаружена на территории современной Кампучии. Составленная на рубеже VI и VII вв. в соответствии с требованиями жанра «кавы», она содержит несколько строф, частично заимствованных из «Рагхуван-

<sup>1</sup> Epigraphia Indica, Epigraphia Carnatica, Annual Report on Indian Epigraphy, Annual Report on South Indian Epigraphy, etc.

<sup>2</sup> Bühler G. Die Indischen Inschriften und des Alter indischen Kunstpoesie. Wien, 1890.

ши» Калидасы. Помещение этой надписи в сборнике наглядно иллюстрирует интенсивность и аспекты влияния индийской культуры на культуру народов Юго-Восточной Азии в раннесредневековый период их истории.

Все надписи сборника относительно хорошо известны индологам. Семь из них указывались Бюлером в упомянутой выше статье, сокращенный вариант английского перевода которой Дискалкар опубликовал в конце сборника в качестве приложения. Сама статья представляется непревзойденным на сегодняшний день по глубине и изяществу изложения анализом стилистических особенностей четырех надписей: составленного Ватсабхатти стихотворного восхваления (прашастхи), зафиксированного в период правления гуптского правителя Кумарагупты (532 г.) на каменной колонне в Манасасоре; составленного Харишеной стихотворно-прозаического панегирика Самудрагупте (около 360 г.), зафиксированного на каменной колонне в Аллахабаде; надписи на знаменитой Гирнарской скале, составленной в период правления махакшатрапы Рудрадамана (около 150 г.), пракритской надписи из Насикской пещеры № 5, составленной в период правления Васиштхипутры Пулюмави (около 149 г.). Первые три из этих надписей фигурируют в сборнике соответственно под № 5, 3 и 1.

Уже в самой ранней из них — составленной прозой Гирнарской надписи Рудрадамана — можно отметить ряд черт жанра «кавья», указанных, в частности, Дандином в его классической «Кавьядарше» (Зерцале поэзии). Одним из шедевров поэзии «кавья», по мнению Бюлера, должны считаться Аллахабадский панегирик Самудрагупте сочинения Харишены. Богатство лексики и воображения, совершенство владения законами жанра выдвигают Харишenu в один ряд с такими корифеями санскритского поэтического искусства, как Калидаса и Банабхатта. Несколько более скован стиль Ватсабхатти, автора надписи из Манасасора, которую Бюлер проанализировал в начале своей статьи. Произведение Харишены также может считаться чудесной миниатюрой жанра «кавья». К сожалению, до нас не дошли другие произведения Харишены и Ватсабхатти. Однако даже те относительно небольшие свидетельства их творчества, которыми мы располагаем, позволяют рассматривать его в качестве выдающегося явления в литературной жизни древней Индии.

Из других надписей сборника заслуживает внимания прежде всего так называемая Айхольская надпись на камне Пулакешина II Чалукьи. Это — стихотворный панегирик Пулакешину, составленный в 634 г. поэтом Равикирти. Большинство строк панегирика являются частичными заимствованиями, в основном из двух крупных поэм Калидасы — «Рагхуванши» и «Ниратарджуни». В последнем стихе Равикирти приравнивает себя как поэта к Калидасе и Бхарави. Конечно, это преувеличение, хотя его, без сомнения, можно считать одним из лучших придворных поэтов своего времени. Но ценность надписи не ограничивается ее литературными достоинствами. В ней содержится наиболее раннее датированное упоминание Калидасы, творчество которого не имеет жестких датировок. Таким образом, Айхольская надпись дает нам своего рода «верхний предел» существования одного из величайших поэтов древности.

Примечателен также факт публикации в настоящем сборнике и трех земельных грамот (далее — ЗГ). Будучи бесспорным актовым материалом, они в условиях Индии являются также и эпиграфическими источниками. Публикации ЗГ убеждают нас, что их составители также были знакомы с канонами высокой санскритской поэзии. Надписи эти — не только документы, но и весьма совершенные литературные произведения.

Д. Б. Дискалкар снабдил каждую опубликованную надпись обширным и подробным комментарием. Большинство из 15 статей, посвященных отдельным надписям, строится по следующей схеме: текст надписи (дан шрифтом деванагари), перевод ее на английский язык, общие замечания, где вкратце указаны публикации надписи, историческое значение надписи, перечень использованных в ней стихотворных размеров, примечания к спорным, грамматически сложным случаям, техническим терминам и т. д. Все это значительно облегчает исследователю, будь то историк или филолог, работу с надписями.

Вместе с тем в издании текстов надписей Дискалкар показал себя скорее литературоведом, чем текстологом: в его публикации никак не обозначены строки оригинала. Перевод его дан преимущественно в соответствии с нумерацией стихов каждой

надписи. Там же, где стихотворный текст чередуется с прозаическим, перевод ориентирован на постраничную нумерацию строк текста, тогда как примечания — на сплошную нумерацию строк. Конечно, самостоятельный подсчет строк несложен, однако он до некоторой степени затрудняет работу с надписью, а несогласованная ориентация то на постраничную, то на сплошную нумерацию строк неизбежно вносит путаницу. Кроме того, приведенная Дискалкарком роспись публикаций надписей очень скупа; в ряде случаев (например, надпись № 2) вообще отсутствует указание на конкретное место публикации надписи в центральных эпиграфических изданиях типа *Corpus Inscriptionum Indicarum*. Там же, где это происходит, указание дается то постранично, то по номерам издания. В то же время поиск других публикаций имеющихся текстов приобретает тем большее значение, что, как показало изучение комментариев, в книге масса опечаток, причем значительная их часть относится именно к санскритскому тексту.

Давая общую оценку сборнику, хочется прежде всего отметить, что она в значительной степени уже сделана Бюлером в последней, пятой части упоминавшейся здесь статьи, из которой Дискалкар по непонятным причинам опубликовал только первые три. В этой части Бюлер убедительно показал, что именно надписи следует считать одним из решающих аргументов в ведущейся среди индологов дискуссии о путях и этапах развития санскритской поэзии. Не поместив окончание статьи Бюлера в книге, Дискалкар лишил ее некоторой доли фундаментальности. Вместе с тем, невзирая на относительную малочисленность надписей, изданных Дискалкарком, даже они позволяют сделать вывод, что эпиграфические источники необходимо рассматривать как обладающую определенной спецификой, но все же неотъемлемую часть письменной литературной традиции Индии.

*А. А. Столяров*